

УДК 1:316
ББК 60.023
DOI: 10.46726/Н.2021.4.16

М. А. Меликян, Д. Г. Смирнов

ИПОСТАСНЫЕ МИРЫ НООСФЕРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ: СПОНТАННАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ РЕАЛЬНЫХ И ИДЕАЛЬНЫХ ТИПОВ

Статья посвящена новому срезу философской антропологии — ноосферной антропологии. Зафиксирована амбивалентность философской антропологии XX века, сочетающей дискретную и интегративную ориентации. Показана закономерность возникновения в условиях информационно-цифровой революции феномена цифрового антропоцентризма. Современная антропология рассмотрена в рамках дополненности онто-антропологии и деонто-антропологии. Проанализированы избранные модели российской и зарубежной ноосферно-ориентированных антропологий. Сделан вывод об их содержательной и методологической комплементарности. Раскрыта специфика ноосферной антропологии как деонтологической антропологии, предложено ее рабочее определение как области ноосферологии. Определены онтологическое, гносеологическое, аксиологическое и праксиологическое предметные поля ноосферной антропологии.

Ключевые слова: философская антропология, ноосферная антропология, деонтологическая антропология, цифровой антропоцентризм, robofaber, расчеловечивание, инвайронментализм.

M. A. Melikyan, D. G. Smirnov

THE HYPOSTAL WORLDS OF NOOSPHERIC ANTHROPOLOGY: SPONTANEOUS ADDITIONALITY OF REAL AND PERFECT TYPES

The article is devoted to a new section of philosophical anthropology — noospheric anthropology. The ambivalence of the philosophical anthropology of the twentieth century, combining discrete and integrative orientations, is fixed. The legitimacy of the appearance of the phenomenon of digital anthropocentrism in the conditions of the information-digital revolution is shown. Modern anthropology is considered within the complementarity of onto-anthropology and de-onto-anthropology. The selected models of Russian and foreign noosphere-oriented anthropologies are analyzed. The conclusion is drawn about their substantive and methodological complementarity. The specificity of the noospheric anthropology as deontological anthropology is revealed, its working definition as a field of noospherology is proposed. The ontological, epistemological, axiological and praxeological subject fields of the noospheric anthropology are determined.

Key words: philosophical anthropology, noospheric anthropology, deontological anthropology, digital anthropocentrism, robofaber, dehumanization, environmentalism.

© Меликян М. А., Смирнов Д. Г., 2021

*Как известно, над человеком проще творить зверства,
если его предварительно расчеловечить — не считать человеком.
Поэтому в маркетинге людей называют аудиторией.*

Вместо введения: цифровой антропоцентризм. Современная антропология, истоки которой коренятся в дегуманистической атмосфере XX века, по своей внутренней природе противоречива. С одной стороны, она демонстрирует претензию на целостность, с другой — на деле — она дробит образ *homo sapiens sapiens* на части, совершая примитивную логическую ошибку, когда часть отождествляется с целым. Новый цифровой миронтологизировал интеллектуальные построения философов и антропологов прошлого столетия: он расчеловечивает человека, отбирая у него человеческое качество. Взамен человек получает вознаграждение в виде новых, одухотворяющих его статусов, которые раскрывают его новые «возможности и преимущества». Так появляются *homodigital*, *homoinformaticus*, *homoeconomicus*, *homobusiness*, *homopoliticus* и прочие «модельные ряды» антропологических типов. Гносеологический круг замыкается: онтологизированная дискретизация образа человека порождает уверенность в адекватности все новых и новых моделей, отражающих реалии информационно-цифровой революции.

Опасность подобной когнитивной ориентации видится в нескольких аспектах. Во-первых, постепенно происходит вытеснение *homo sapiens* (человека разумного) *robofaber* (роботом делающим). Это познавательное смещение предполагает перестройку картины мира как исходной точки отношения к реальности. Во-вторых, гетерархическая модель человека (в принципе методологически оправданная) порождает сплит-образ (чем-то напоминающий диагноз «множественной личности»), концепт которого размыт, что в свою очередь не позволяет выстраивать адекватную этологию. В-третьих, продолжающаяся диссипация человека не только провоцирует частичный переход «упорядоченных поведенческих процессов» в неупорядоченные, но и, благодаря «рассеиванию всечеловеческого», делает эфемерным итог целеполагания основоположника философской антропологии М. Шелера — «единую идею человека».

П. Тейяр де Шарден так описал эту ситуацию, характерную, по его мнению, уже для человека середины прошлого столетия. «Слишком выделяющаяся индивидуальность человека маскирует собой целостность, и наш рассудок, рассматривая человека, склонен дробить природу и забывать о ее глубоких связях и безграничных горизонтах — впадать в *дурной антропоцентризм*» [50, с. 40]. Цифровизация во сто крат усиливает возможности индивидуальности (а точнее индивидуализации) человека, который, используя соответствующие инструменты, имитирует (даже не маскирует) человека, закономерно устанавливая собственные правила / причинно-следственные связи (как это позволяют, например, делать в одностороннем порядке различные цифровые платформы). Такой *дурной антропоцентризм* вполне можно охарактеризовать как цифровой. Последний понимается нами как *идеология (позиция), заявляющая о первостепенности сетевого «цифрового двойника» человека (личности)*, обедняющая экзистенциальные отношения индивида и мира, ограничивающая его горизонты бытия и ведущая, в конечном счете, к расчеловечиванию.

Цифровой антропоцентризм может приводить к «головомозию от успехов», что, на наш взгляд, имеет место уже сейчас. В частности, цифровое

тело человека [35] оказывается совершеннее натурального, цифровое мышление признается гораздо более оперативным и точным, цифровое поведение регламентированным. Как показывает история подобные измененные состояния сознания, характеризующиеся периодами обострения, приводят к печальным последствиям, результирующие которых трудно поддаются корректровке (см., напр. [20]). Цифровой (виртуальный) аутизм и менее изученный его «собрат» цифровой инфантилизм — не самые мощные репрезентанты разворачивания в сознании цифрового антропоцентризма, но даже «намекают» на недопустимость цифрового лобби.

Залог любой устойчивости, в том числе и антропологической, заключается в разнообразии — мыслительном, поведенческом, коммуникативном, деятельностном. В сохранении этологической (в расширительной трактовке) вариативности заключается смысл так называемой ноосферной безопасности [49]. Цель настоящей статьи — представить предметную область ноосферной антропологии через призму системы философского знания, задать координаты ее онтологического, гносеологического, аксиологического и праксиологического осмысления (ср. [27]).

Антропологическая ноосферность: интердискурсивный анализ. Ноосферная антропология — относительно новая область философской антропологии, сформировавшаяся на стыке сразу нескольких сфер знания — философии сознания [43; 34], философии ноосферы [41; 21], глубинной (универсальной семиотики) семиотики [47] и системной герменевтики [14; 15], глобальной этики (этологии) [1; 11; 12; 28], интеллектуальной (ноосферной) истории [42; 46], интеллигентоведения [44], глобальной и социальной экологии, экологии человека [18] и планетарной демографии [19] и некоторых других. Вместе с тем, антология нооантропологических представлений, как нам представляется, достаточно масштабна. В своих истоках рассматриваемые идеи были теснейшим образом связаны с конструированием образа совершенного человека, подчиняющегося в своем бытии нусу в его различных эманациях. Здесь уместно заострить внимание на ряде концепций, проясняющих во многом то предпосылочное знание, из которого мы исходим. Это идея и совершенномудрого человека ЛаоЦзы, и учение о демоне Сократа, и концепция ученого незнания Николая Кузанского, и идея «совершенной машины» Ламетри, и идеал нравственного человека И. Канта, и сверхчеловек Ницше, и Богочеловек Вл. Соловьева...

Как мы видим во многом именно filo-дискурс [30], наполненный философским содержанием, предопределил переход научно-философскому исследованию проблемы. Наиболее отчетливо оно обозначило себя в XX веке, когда уровень антропологической рефлексии вышел на глобальный уровень, в том числе, и с позиции качественного понимания вещей. Последнее замечание предполагает, что фокус исследовательского внимания вернулся к изучению овеществленного (в человеке) отношения и овеществленного (на субстрате человека) свойства.

Философская антропология прошлого столетия проявляет некоторую «антиномичность», которая заключается в том, что в ней сплетаются онтологический и деонтологический дискурсы. Онто-антропология в своих построениях отражает результат подстраивания сознания (человека) по формы наличного бытия. Деонто-антропология, напротив, конструирует образ человека как результат трансформации материи (материального мира) под формы сознания. Ноосферная антропология в этом контексте деонтологична, то есть

она всегда задает координаты должного, а не сущего, создавая тем самым сценарии возможного. М. К. Мамардашвили, размышляя о проблеме человека в философии, пришел к выводу, что «объектом или предметом исследования и одновременно тем, что позволяет случиться тому, что потом изучается, является всегда не наличный человек, а тот возможный человек, который может сверкнуть на какое-то время, *промелькнуть, установиться* в пространстве некоторого собственного *усилия* [26, с. 11]. Если экзистенциалистски развернуть эту мысль, то окажется, что ноосферная антропология своим предметом полагает человека как своеобразный проект. Проектность человека здесь предполагает напряжение сознания, усилие превзойти установку на адаптацию, вырваться из плена наличного бытия, проецируя себя в семиосферу потребного будущего. Рассмотрим далее в хронологическом порядке «избранные» антропологические проекты, которые обозначили себя в прошлом столетии, и которые подготовили философскую почву для актуализации концепции ноосферной антропологии.

Один из основоположников философской антропологии XX века Макс Шелер различал теологическую антропологию, естественнонаучную антропологию и философскую антропологию. Метафорически различие между этими позициями можно зафиксировать следующим образом: теологическая антропология задается формулой «теоцентризм Человека», естественнонаучная антропология — «антропоцентризм Человека», в то время как философская антропология ориентирована на «антропоморфизм Бога» [39, с. 20]. Анализ антропологических традиций привел мыслителя к выводу о том, что, несмотря на вариативность подходов, единая идея человека отсутствует [51, с. 133]. Отсюда он и выводит необходимость философской антропологии как фундаментальной науки «о сущности и сущностной структуре человека» [52, с. 70]. В центре внимания философа оказывается единый синтетический человек, в котором присутствует неразрывное структурное единство — «сознание мира, самосознание и сознание бога» [51, с. 188]: «в своем человеческом бытии ... человек достоин более высокого звания со-стязателя, соратника Бога, которому суждено нести знамя божества, знамя “Deitas”, осуществляющегося лишь вместе с мировым процессом, впереди всех вещей в штормовой стихии мира» [53, с. 13]. Так, синтетичность антропологии М. Шелера заключается в коэволюционном пафосе Бога, человека и мира, или, как бы выразился сам автор пафосе человека в контексте «бытия, мира и Бога».

Гуманистическое измерение ноосферной антропологии можно увидеть в трудах испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета. Размышляя над вопросами современного искусства и в целом культуры, автор приходит к выводу о дегуманизации искусства, которая предполагает расчеловечивание, отказ от собственно человеческого в искусстве. В этих условиях рождается особый антропологический тип, которого Ортега называет «человеком-массой». Последний утратил интерес к принципам мироздания, будучи целиком поглощен технизацией; он равнодушен к истории, которая сделала возможным его существование; эгоистичен, самодостаточен, взбалмошен. Задача его антипода — человека не «разума массы», а «массы разума» [7] заключается в возвращении искусству, понимаемому как «совокупностью средств, которыми достигается контакт со всем, что есть в человеческом бытии» [36], да и культуре в целом человеческого восприятия. Позиция Ортеги одновременно критическая и деонтологическая: для того, чтобы мир окончательно не превратился в массу нужно как можно большим людям «жить мыслью».

Российский естествоиспытатель, историк науки, философ-натуралист, автор учения о ноосфере Владимир Иванович Вернадский сформулировал свои антропологические предпочтения в обобщенном этическом идеале, который он назвал «идеалом личной святости». Эмос этого идеала мыслитель зафиксировал в своем дневнике следующим образом: «Я сделал все, что мог сделать. Я не сделал никого несчастным. Я постарался, чтобы после моей смерти к той же цели на мое место стало таких же, нет — лучших работников, чем каким был я» (цит. по: [33, с. 11]). В нашей системе референция сам В. И. Вернадский может быть рассмотрен как ноосферный человек [29]. С позиции эмпирического обобщения ученый видел ноосферность человека в научной мысли — главном вещественном образовании, проработанном духом. Именно научная мысль (по основному ноосферному закону) генерирует нообиогеохимическую энергию, «расходуемую» на подстраивание материи под формы духа, итогом целеполагания которого оказывается автотрофность человечества [45].

В несколько ином ключе гуманистический срез ноосферной антропологии представлен у итальянского мыслителя, общественного деятеля, эколога Аурелио Печчеи. Его главное понятие — «человеческое/ие качество/а» — концептуальное для наших размышлений. Человеческое качество, наряду с теплом, энергией, посылаемой солнцем, наверное, самый главный ресурс цивилизации XX века. Автор так рисует сценарий будущего: «человеку сейчас ... не остается ничего иного, как возможно быстрее приблизиться к следующей фазе своего развития — той, где он, сочетая свое могущество с достойной мудростью, научится поддерживать в гармонии и равновесии все дела человеческие» [38, с. 35]. Границы между созиданием и разрушением, прогрессом и застоём, по мнению мыслителя, «определяются именно человеческими ресурсами, их возможностями, их развитием, умением мобилизовать их на решение поставленных задач» [38, с. 60]. Современный человек становится главной действующей силой в природе и отвечает не только за свою жизнь, но за существование всего живого. Это подготавливает «человеческую революцию», в результате которой человечество придет к новому мировоззрению. Этот новый гуманизм можно определить тремя характеристиками: «чувство глобальности, любовь к справедливости и нетерпимость к насилию» [38, с. 214].

Французский теолог, антрополог и философ П. Тейяр де Шарден представляет «феноменальное» измерение ноосферной антропологии. «Осмысливая феномен человека в рамках единого процесса эволюции, — пишет О. В. Коркунова, — Тейяр де Шарден создает антропологию, в которой человек предстает не только закономерным продуктом космической эволюции, но и существом, через которое и посредством которого осуществляется эволюция мира» [22, с. 136]. Главной спецификацией человека, которая позволяет ему быть «центром *конструирования* универсума» [50, с. 38], оказывается умение видеть. Ключевой посыл мыслителя заключается здесь не в том, что человек умеет видеть, а в том, что он видит все во взаимосвязи, в определенной структуре. Эта компетенция обеспечивается, в свою очередь, отсутствующей специализацией человека, ведь «специализация парализует, а ультраспециализация убивает» [50, с. 132]. При этом он «не может полностью видеть ни себя вне человечества, ни человечество — вне жизни, ни жизни — вне универсума» [50, с. 39]. Как мы видим, шелеровская триада «Бог —

Человек — Мир» разворачивается у Тейяра в своеобразную квадрату «Человек — Человечество — Жизнь — Универсум».

Американский антрополог, психолог, эколог Грегори Бейтсон задает когнитивный дискурс ноосферной антропологии, произрастающий из признания того, что «мысль напоминает эволюцию тем, что [они] обе стохастичны» [6, с. 34]. Концептом его размышлений становится «экология разума», которая предполагает «неизбежное единство Разума и Природы», или чувство их «эстетического единства». Человек XX века, потеряв это чувство, совершил «эпистемологическую ошибку» [6, с. 32]. Деонтологический посыл ученого заключается в исправлении этой ошибки и преодолении «сознательной цели против природы». Когнитивная элевация человека предполагает, согласно автору, смену ориентации с каузальности на мудрость [5, с. 154], переход от линейного мышления к системному [6, с. 74], от самокоррекции к саморефлексии [4, с. 394]. Как мы видим, триады и квадраты могут быть свернуты в диаду «Разум — Природа», чем-то напоминающую модель «Научная мысль — Биосфера» В. И. Вернадского. Эта диалектическая бинарность — не редукция, а, скорее, абстракция, имеющая под собой эпистемологические и коммуникативные основания: системообразующее отношение, которое реализует человека, предстает как диалог между двумя подсистемами универсума.

Математик, эколог и глобалист Никита Николаевич Моисеев, автор книги «Человек и ноосфера» [31] развивал проблематику ноосферной антропологии, используя концепт «коллективный Разум», который, по мнению автора, развивается «значительно быстрее разума индивидуального» [31, с. 87]. Для него весь процесс становления *homo sapiens*, путь антропогенеза — есть «восхождение к разуму» [32, с. 7]. Этот тернистый путь ознаменован противостоянием двух логик развития — логики Природы и логики Истории (Человека), результат разворачивания которого губителен для цивилизации. Катастрофизм его мышления ярко выразился в почти шекспировской формуле «Быть или не быть человечеству?». Момент преодоления «точки невозврата» связан с коэволюционной стратегией, где главную скрипку играет «самоорганизационный процесс, который называется историей людей» [32, с. 119]. Качественная антропология Н. Н. Моисеева подчиняется принципу универсального эволюционизма — «думай революционно, действуй эволюционно», предполагая снятие внутренней противоречивости системы «Природа — Человек — Общество».

Вячеслав Всеволодович Иванов — российский антрополог, лингвист, семиотик — поднимает семиотическую проблематику ноосферной антропологии. Закладным камнем его концепции является принцип, согласно которому «...в конечном счете, (при наличии тупиковых ветвей и длительных остановок, а также циклов, известных и в других сферах эволюции) в истории культуры отбираются те именно знаковые системы и тексты, которыми развитие человечества направляется в сторону ноосферы (в понимании П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского) [16, с. 24]. В нейрофизиологическом ключе ноосферность человека, как показывает автор, связана с маятниковыми колебаниями между мозговыми доминантами — правополушарной и левополушарной («с помощью которого человек включается в жизнь общества и ноосферы»). Человеческая семиотика, по мнению Вяч. Вс. Иванова, слепа (о чем, кстати, упоминает и Г. Бейтсон): людям может показаться, «что они решают другие задачи, но, в конце концов, решают именно ту задачу, которая стоит перед человечеством» [17, с. 186].

Краткий анализ избранных антропологических концепций XX века позволяет зафиксировать фундаментальные основания, на которых выстраивается постнекласическое здание ноосферной антропологии. В плоскости методологии ноосферная антропология тяготеет к диалектическому, системному, синегетическому, экологическому (инвайронментальному) подходам, при этом бинарные, тернарные, квадрантные и иные модели дополняют друг друга. Ноосферность всех рассмотренных антропологических концепций задается концептом разумности (разума, в том числе и коллективного, научной мысли, сознания, мозга) и его производных (видения, разумного делания, мышления). Содержательное конструирование ноосферной антропологии осуществляется на принципах гуманизма, альтруизма, коэволюции, сложности сознания, широкой «специализации», редегуманизации.

Ноосферная антропология: дефинитивный образ. В современной междисциплинарной плоскости ноосферная парадигма занимает особое место в контексте антропологических исследований. Она имеет единый предмет исследования с синтетической антропологией, интегративной антропологией, общей антропологией, но при этом ее предметное поле специфично. Эта специфика связана не с предметом (в его пространственном понимании), а с концептом — системообразующим свойством, которое организует субстрат научного знания под себя. Поэтому ноосферная антропология одновременно оказывается и концептуальной и синтетической (интегративной).

Как показывает И. В. Дмитревская ноосферный подход подразумевает наличие изначально системообразующего свойства — концепта, согласно которому формируются системообразующие отношения, только после этого выстраиваются элементы в системе — субстрат [13]. Исходно место концепта в ноосферной антропологии, как было зафиксировано выше, занимает научная мысль как планетное явление [10]. Используя логическое обобщение, мы можем продолжить эту цепочку понятиями мысль (включая сюда и религиозную, и художественную, и философскую, и научную составляющие), сознание, разум. Мысль, сознание, разум суть феномены оперирующие информацией — главным «действующим лицом» информационно-цифровой революции и формируемого в результате нового технологического уклада. Разница между информационностью и ноосферностью (иначе можно было бы говорить и об информационной антропологии) обуславливается человеческой способностью превращать информацию в знание, что не в последнюю очередь предполагает изменение ее валентности (не истинности / ложности, но конструктивности / деструктивности). Именно поэтому ноосферно-антропологические идеи оказываются доминирующими, так как они ориентированы «на развитие сущностных сил человека» [37, с. 70].

О. Д. Куракина — крупный специалист по философии русского космизма — проблематику ноосферной антропологии раскрывает через обращение к понятию «человеческий фактор», который, по ее мнению, занимает главенствующую позицию в процессе перехода биосферы к ноосфере и понимается как «закономерно идущий процесс от эпохи стихийного развития человечества как чисто природного, биологического организма к творческому, сознательному бытию и становлению человечества как единого целого» [23, с. 154; см. также 3]. Результатом этого процесса должны стать ноосферная синархия — ноосферное всеединство иерархического строения бытия [23, с. 155] или «коммунизм как ноосфера» [2]. Применительно к современности «ноосферная антропология является закономерным этапом процессов

глобализации, происходящих на разных уровнях, в том числе и на уровне балансирования на границах планетарного, космического и вселенского» [40, с. 26]. Закономерным в том смысле, что человеческое приобретает новые формы, связанные с распредмечиванием. И здесь значимость приобретает инвайронментальный подход, который концентрируется не «человеческом веществе», а на системе «Разум (Среда) — Среда (Разум)», в которой среда формирует разум, а разум формирует среду [48, с. 118].

Как мы видим, институционализация ноосферной антропологии находится еще в самом начале пути [8; 25]. Ее дефинитивный образ постепенно формируется. Завершая во много пропедевтический экскурс в предметное пространство ноосферной антропологии, сформулируем ее рабочее определение. Ноосферная антропология — это область ноосферологии, предметом изучения которой являются принципы и механизмы респредмечивания человека в информационно-цифровой реальности, равно как и последствия дегуманизации в форме овеществленных свойств и отношений. В онтологическом ключе она исследует результаты разворачивания цифровизации на человеческом субстрате. Гносеологический тезаурус предполагает исследование системных изменений в мышлении и познании в результате воздействия на человека техносферы. Аксиологический дискурс нацелен на осмысление ценностной динамики и целеполагания в условиях отчуждения от реальной коммуникативной среды. Практиологический план акцентирует внимание на этологии и поведенческих моделях, опрокидывающихся в практику жизнедеятельности.

Список литературы

1. Авдеева И. А. Глобальная этика для глобального пространства // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 8 (15), ч. 1. С. 129—131.
2. Антонов Н. П. Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы // Сознание и диалектика процесса познания: межвузовский сборник научных трудов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1979. С. 3—20.
3. Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Человек. Эволюция. Космос. София, 1984. Кн. 4. Книжка I. С. 93—104.
4. Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.
5. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии. М.: КомКнига, 2005. 248 с.
6. Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство. М.: КомКнига, 2007. 248 с.
7. Брагин А. В. Проблема «массы разума» и устойчивость развития // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (10). С. 59—67.
8. Василенко В. Н. Ноосферная антропология и педагогика в глобальном обществе // Ноосферное образование в евразийском пространстве / под науч. ред. А. И. Субетто. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2015. С. 286—300.
9. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. № 18. Вып. 2. С. 113—120.
10. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
11. Гумницкий Г. Н. Основы этики. Иваново: Ивановский государственный политехнический университет, 2016. 132 с.

12. Гусейнов А. А. Еще раз о возможности глобального этоса // Век глобализации. 2009. № 1. С. 16—27.
13. Дмитриевская И. В. Текст как система. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1985. 87 с.
14. Дмитриевская И. В. Метафизика злого сердца: проблема онтологизации зла в бытии мира и человека. Иваново: Изд-во Ивановской гос. с.-х. акад. им. акад. Д. К. Беляева, 2012. 351 с.
15. Дмитриевская И. В. Системная герменевтика: концепты, смыслы, тексты. Иваново: ФГБОУ ВПО ИГСХА, 2014. 384 с.
16. Иванов В. В. О выборе веры в Восточной Европе // Природа. 1988. № 12. С. 26—38.
17. Иванов В. В. Потом и опытом: сборник стихотворений, статей, эссе и переводов. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. 352 с.
18. Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск: Наука, 2004. 312 с.
19. Капица С. П. Парадоксы роста: законы глобального развития человечества. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. 201 с.
20. Касавина Н. А. «Digitalexistence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3, № 4. С. 73—89. DOI: 10.5840/dspl20203441
21. Коваленко С. В. Антропологические основы ноосферогенеза. М.: Флинта: Наука, 2005. 288 с.
22. Коркунова О. В. Эволюционная антропология П. Тейяра де Шардена // Известия УРГУ. 2004. № 32. С. 129—137.
23. Куракина О. Д. Ноосферная антропология русского космизма // Реалии ноосферного развития: материалы Межгос. науч.-практ. конф. «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия». Иваново, 21—23 мая 2013 г. М.: Ноосфера, 2003. С. 153—155.
24. Лукьянова Н. А., Шавлохова А. А. Цифровое тело как образ будущего: анализ визуальных процессов конструирования // Ученые записки Новгородского государственного университета: электронный журнал. 2020. № 6 (31). 26 с.
25. Маленков А. Г. Ноосфера и человек ноосферы. М.: Маджерик, 2009. 367 с.
26. Мамардашвили М. К. Проблема человека в философии // О человеческом в человеке / под общ. ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. С. 8—22.
27. Маслова А. В. Фундаментальность понимания на пути к новой антропологии // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2021. № 2 (38). С. 49—61.
28. Меликян М. А. Этология глобального человека // Ноосферные исследования. 2013. № 1 (1). С. 104—113.
29. Меликян М. А. В. И. Вернадский как ноосферный человек: опыт методологического анализа // Ноосферные исследования. 2016. № 1—2 (13—14). С. 118—133.
30. Меликян М. А., Смирнов Д. Г. Глобальный этос совершенного человека: филодискурс основного морального отношения // Этически исследования. 2017. Бр. 2. Кн. 2. С. 215—230.
31. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
32. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с.
33. Мочалов И. И. В. И. Вернадский — человек и мыслитель. М.: Наука, 1970. 176 с.
34. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Акад. Проект: Парадигма, 2011. 399 с.
35. Орех Е. А., Сергеева О. В. Цифровое лицо и цифровое тело: новые явления в визуальном контенте социальных сетей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2015. № 2. С. 137—145.
36. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс; Дегуманизация искусства; Бесхребетная Испания. М.: АСТ, 2008. 348 с.

37. *Пантелеева Г. Г.* Ноосферно-антропологические идеи как условие целостности человека // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2011. Т. 24 (63), № 2. С. 66—75.
38. *Печчеи А.* Человеческие качества. М., Прогресс. 312 с.
39. *Роинашвили Д. И.* Антропологическая революция Макса Шелера // Спектр антропологических учений. 2011. № 1. С. 20—34.
40. *Смирнов Г. С.* Ноосферная антропология: поиски предметной области // Антропологическое измерение глобализационных процессов: материалы Межвуз. науч. конф. «Философско-антропологическая аналитика бытия человека в глобальном мире». Владимир, 7—9 октября 2003 г. Владимир: Влад. гос. пед. ун-т, 2003. С. 24—26.
41. *Смирнов Г. С.* Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3, № 1. С. 57—64.
42. *Смирнов Г. С.* Ноосферная история человечества: философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 2. С. 4—29.
43. *Смирнов Г. С.* Философия как образ глобального сознания // Ноосферные исследования. 2015. № 1—2 (9—10). С. 39—54.
44. *Смирнов Г. С.* Образование ноосферы: мировая интеллигенция и глобальное сознание. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 428 с.
45. *Смирнов Г. С.* Философия автотрофности человечества и глобальное сознание // Век глобализации. 2017. № 1 (21). С. 20—32.
46. *Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г.* Ипостаси ноосферной истории // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, № 1. 21—28.
47. *Смирнов Д. Г.* Семиософия ноосферного универсума ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 370 с.
48. *Смирнов Д. Г.* Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную философию. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.
49. *Смирнов Д. Г.* Этика ноосферной безопасности: к постановке проблемы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 135—142.
50. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
51. *Шелер М.* Положение человека в космосе // Шелер М. Избр. произ. М.: Гнозис, 1994. С. 129—193.
52. *Шелер М.* Философское мировоззрение // Шелер М. Избр. произ. М.: Гнозис, 1994. С. 2—14.
53. *Шелер М.* Человек и история // Шелер М. Избр. произ. М.: Гнозис, 1994. С. 70—97.